

17 НОЯ 1987

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Встречи по вашей просьбе

Эльдар
РЯЗАНОВ:

ЖИТЬ, ВРЕМЯ ТЕРЕБЯ

важно рухнул на деревянный диван у павильона. «Отключился...»

...Взгляд без интереса к корреспонденту:

— Мое шестидесятилетие? Еще дожить надо. А большинство ваших вопросов предвижу. Ответы на них есть в моей книге «Неповеденные итоги». — И уточняет: — Второе издание вышло в прошлом году. С новой главой — о «Жестоком романсе».

Видно, любит свою экранизацию «Бесприданницы» Островского, вопреки мнениям ряда рецензентов. Сейчас, спокойно думая об этой вещи, находишь в ней несомненные достоинства. И невольно приходят на память слова театрального режиссера Н. Акимов: «Наша критика стреляет только по движущимся мишеням».

Позднее я с увлечением прочитала книгу Рязанова, оценив его раздумья о природе комедийного кино, о социальной значимости юмора и сатиры, добрые и меткие суждения о тех, кто вместе с ним делал фильмы. Начало собственного пути описано им очень скупой (глава «Немного биографии»). Москвич-подросток в эвакуации нянчит детей, выстаивает длинные очереди за хлебом, пайком, истребляет огромные крысы в ветхом бараке. Война. В своих фильмах он не обращался напрямую к этим впечатлениям, но, как многие его ровесники, получил тогда серьезную жизненную закалку.

А призвание заявило о себе года через полтора — успехом «Карнавальная ночь». В этой комедии, с ее задором, лиризмом, музыкальностью, уже намечалась и сатирическая интонация, характерная для дальнейшего рязановского творчества. С тех пор сама его жизнь измерялась, кажется, не годами, а премьерами, собиравшими очереди у касс.

И вот через тридцать с лишним лет мне довелось опять увидеть его на съемках. Новый фильм «Последний экзамен» — не комедия, а скорее драма. И Рязанов уже не начинающий режиссер, а озабоченный мэтр, по пасть же к нему не легче, чем к командиру партизанского соединения. Цепочка «связных» — членов группы — оберегает его от журналистов. На встрече даются считанные минуты — у помоста, на котором выстроена декорация. Досадно, хотя понять режиссера можно. Рязанов бледен от усталости. Накануне, уже за полночь, он после съемки, по словам ассистента, бук-

ует от режиссера знания тонкостей различных специальностей, имеющих отношение к кино. А на экране его труд не виден, хотя он там во всем. — И подытоживает: — Вериги. Но не променяю их ни на что. Да можно ли отрешиться от своей сути?

Мне кажется, «Последний экзамен» будет для меня самым трудным. Не потому, что на роли школьников я взял непрофессионалов. Из них один Федор Дунаевский снимался раньше — в «Курьере». Дело в сценарии, который написан лет шесть назад по пьесе Людмилы Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна». Поставить его тогда было невозможно, там слишком обнажен трагизм недавнего времени с его фальшью и показухой, растлевающей людей, особенно молодежь. Действие происходит ночью, в квартире математички (ее играет Неелова), куда пришли четверо десятиклассников.

— Режиссерами не рождаются. Да вы как будто и не рвались в эту профессию...

— Собирался стать писателем. — И без перехода, властно: — Свет направлен туда. Вашу мизансцену изменяем. — Показывает актерам, оператору, как будет выстроен кадр. — ...Но сначала хотел податься в моряки, повидать дальние страны, людей. Жизнь.

— А поступили все-таки во ВГИК.

— Вообще-то случайно. Пока ждал ответа из одесской мореходки, попробовал сдать экзамены в институт кинематографии. Сам удивился, когда приняли. Учился у Козинцева, Эйзенштейна — ну и влюбился в профессию.

— Что такое режиссерский характер?

— Наверное, в нем должен быть какой-то сплав настойчивости и податливости, уверенности и сомнений... Раннимость и чуткость. Доброта к людям. И еще запас прочности, здоровье. Ведь ставишь фильм год, а то и дольше. Должен режиссер уметь и достойно пережить неудачу, не впадать в панику из-за болезни артиста. Словом, многое важно. Но самое главное для него — упорство и трудолюбие.

«Помимо таланта», — добавляю я про себя. А талант едва ли реализуется весомо без острого чувства времени, верности идеалам, кровной связи с народом, горения. Талант Рязанова в искусстве состоялся.

Вступив на трудную дорогу комедийного жанра, он уже неуклонно продвигался по ней, от фильма к фильму, оттачивал свой образный язык, проникал во все более глубокие слои действительности, постигал новые грани человеческой психологии. В его картинах никогда не было стремления лишь рассмешить. Даже самый неприятный зритель, ждущий от комедий только развлечения, ощущал, как сквозь веселье в них проглядывает то грусть, то боль. Все почувствовали неповторимую интонацию его лучших фильмов, легкость и шутливость которой оборачивались серьезом, звали к раздумьям о жизни.

Его талантливость проявлялась во многом, даже в неожиданном выборе актеров. Так было, когда он снял И. Смоктуновского в роли Деточкина («Берегись автомобиля») наперекор начальственным запретам, обстоятельствам, болезни артиста. Не без хитрости привлек Рязанов в «Гусарскую балладу» И. Ильинского на роль Кутузова, вопреки возражениям чиновников от искусства («Как можно? Ведь амплуа актера — комик!»). Но чутье художника подсказало ему, что можно. Одержимость своим делом способна побудить режиссера к отчаянному, смелому поступку. Так, в Италии Рязанов находчиво объявил забастовку прижимистым хозяевам кинофирмы из-за кабальных условий работы («Невероятные приключения итальянцев в России») и победил. Столь же решительно, пряча страх, прыгнул он с высоты второго этажа, чтобы подать пример актрисе Л. Голубкиной в момент стемок боя («Гусарская баллада»).

В рязановском кинематографе у каждого есть любимые фильмы. Для одних это «Ирония судьбы» и «Служебный роман» с их по-человечески трогательными и от-

нюдь не простоватыми персонажами, у других — героическая трагикомедия «О бедном гусаре замолвите слово», у третьих — «Вокзал для двоих». Но, наверное, все сходится в симпатиях к фильму «Берегись автомобиля», с нежностью вспоминают обаятельного Дон-Кихота — Деточкина, его нетерпение восстановить справедливость, во имя которой он продает угнанные у жуликов машины, а деньги переводит в детдома.

Хороших лент у него немало. Сегодня для нас особенно дорого то, что картины режиссера задолго до перестройки были проникнуты ее духом. Вспоминая о том или ином фильме, он зачастую отмечал связь сюжета с фактами реальной повседневности. Так возникали и замыслы картин «Берегись автомобиля», «Гараж», в сатирических гротесковых красках которых выразилась дерзость художника, гражданственность его позиции.

В неоднозначной, подчас горько язвительной интонации новой ленты «Забывтая мелодия для флейты» есть, наверное, отзвук пережитого самим художником, натерпевшимся за долгие годы творчества от диктата ведомственных бюрократов, к которым велик счет и у других талантливых мастеров. Фильм погружает нас в мир застывших в своей демагогии и деятельном безделье служащих «Управления свободного времени», из сфер руководства культурой. Они панически избегают бурную деятельность, ведь жизнь в стране уже пошла по пути обновления. Но такие с их девизом «Мы не пашем, не сеем, не строим, мы гордимся общественным строем» (песня с этими словами звучит за кадром) не могут вписаться в сегодняшнюю жизнь, чужды ей.

— Пожалуй, никто у нас в художественном кинематографе так оперативно не откликнулся на перестройку, как вы «Забывтая мелодией»...

— Перестройка — процесс трудный и болезненный, отнюдь не быстротечный, далеко не для всех желанный. — отзывается Рязанов. — Делая фильм, я думал о таких

перевертышах, как преуспевающий чиновник Филимонов из нашей картины. За благополучие, карьеру он продал все человеческое — талант музыканта, память о родителях, любовь, достоинство, честь...

— Тем не менее он у вас испытывает стрессы, чуть не умирает от инфаркта. Можно понять, что Филимонову сейчас крайне неуютно, жизнь с ее глубокими переменами отторгает его и подобных ему, а загробный мир тоже не принимает. Воскрешая своего чиновника в картине, вы надеетесь, что он изменится, преобразится?

— Да где там! Скорее останется прежним мерзавцем. Слишком долго болтали такие о деле, о патриотизме. А теперь беззастенчиво разглазывают о важности перемен. Но по-прежнему только тормозят их. Не всегда легко распознать этих приспособившихся. Боюсь, что у сатириков еще много дела.

«Забывтая мелодия для флейты» — картина внутренне сложная, возможно, стилистически не во всем безупречная. Как показали отзывы критиков еще до выхода ленты к широкому зрителю, встречена она не единодушно. Но видятся мне среди них опять «стрелки по движущимся мишеням». Недаром и зрители оценили фильм: на новом фестивале «Одесская альтернатива» присудили ему свой приз.

— Каковы, Эльдар Александрович, ваши ближайшие планы?

— Для телевидения у меня готов четырехсерийный кинорассказ о Высоцком. В рубрику «Беседы о кино» — она начнется с нового года — я приглашен как ведущий. Дальше не заглядываю.

У Рязанова в одном стихотворении есть строчка — «Жить, вечно время тереться». Это значит, наверное, вглядываться в него, мучиться его проблемами, подталкивать к скорейшему осуществлению высоких идеалов. С годами в его работах нарастала внутренняя тревога, даже какая-то злость. Порой казалось, что они нарушали цельность его фильмов. В сущности же этим и дорог нам кинематограф Рязанова, беспокойный и нетерпеливый, но неизменно проникнутый жаждой человеческой гармонии.

Л. СЕРЕГИНА.